

— Юрий Маркович, что заставило вас, всегда стоявшего особняком, принципиально не участвовавшего в околотературной жизни, сейчас в нее включиться? Вы подписываете письма против одних литературных функционеров, поддерживаете других, участвуете в борьбе вокруг «Советского писателя»... Вас не пугает железная закономерность: стоит приличному человеку ввязаться в эти игры, как он непременно во что-нибудь «вляпается»?

— Знаете, эти ваши соображения — из числа журналистских фальшакков. Что может быть общего между «тогда» и «сейчас»? Раньше участие в писательских делах общало прямой путь к административной карьере, судило, скажем, квартиру, дачу в Переделкине, какую-нибудь суду, хлесткую должность секретаря правления, заграничные поездки, слава, знаменитых пьяных развозов по стране во славу «дружбы народов» — дружбы литератур». Теперь же участие в так называемой литературной жизни означает либо стремление сохранить былые безобразия (чем занимаются Бондарев и его команда), либо попытку этому стремлению противостоять, создав здоровое писательское сообщество и сохранив еще имеющиеся издательства, а следовательно, возможность для писателей хоть как-то сводить концы с концами. Любопытно, что моя более чем скромная общественная деятельность не впервые привлекает внимание интервьюера. Наверное, по контрасту с прежней полной выключенностью. Но делаю я очень мало, а настоящую работу по сохранению Союза писателей как литературного организма, а не бандитской шайки самоотверженно ведет А. Анфиногенов, В. Осюцкий, В. Савельев.

Удивительно, но сегодня все — в том числе газеты, считающие себя левыми, — почему-то делают вид, что происходит малопримечательная писательская склока («Ах ты, Боже мой, вместо того чтоб заняться литературой, они там имущество делают»). Но в действительности, если называть вещи своими именами, идет прямое столкновение фашизма с антифашизмом. Ведь посмотрите, что творится в стране. Несмотря на вавилонские победы демократии, в нашем обществе заметны лишь слабые ее следы. Прекрасившаяся партия по-прежнему держит значительную часть власти в своих умах и руках. На этом «благоприятном» фоне и Литфонд, и все издательства оказались у «черной точки» — что «Современник», что «Молодая гвардия», а теперь и «Советский писатель», который захватили правые. Я не говорю уже про бывшие ДОСААФ и Воениздат и новоявленную «Палену». Писателям демократического толка издаваться негде: «ПИИ» не располагает достаточным количеством сил, денег и типографских мощностей. Только в последние дни появились надежды, что московские писатели демократического толка получат свое издательство. Между тем литераторы правого лагеря, которые, надо сказать, и не пишут ничего, а только переиздаются, имеют возможность прекрасно уписывать за обе щеки. Полным ходом идет очередное издание сочинений Бондарева, как будто прочтешь «полного» Бондарева и есть самая насущная духовная потребность сегодняшнего дня. Нет, может быть, сам по себе он не так уж и плох; Бондарев — скорее символ, чем конкретная злая, которого гораздо больше рассеяно в ближайших его сподвижниках (для них он — то же, чем был Ставровский для Верховенского). Но все, что они делают общими усилиями, ведет к абсолютному уничтожению литературы. Участие любого литератора — в том числе и мое — в противоположном лагере означает желание сохранить литературу.

— Вы занимаете какую-то административную должность?

— Недавно меня и Окунджаву кооптировали в сопредседатели исполкома Содружества союз писателей, которое, кстати сказать, стоит на реальной почве, в отличие от бондаревско-пулатовского «образования», включившего, помимо «заединцов», из России лишь писателей нескольких среднеазиатских республик с чисто коммунистической властью, которым просто приказали туда войти. С нами же хотят быть 400 писателей Армении (практически все армянское литературное сообщество), более тридцати лучших литераторов Киргизии, ведущие писатели Белоруссии. Украина и Грузия, правда, пока в СССР не участвуют. Но Грузия решила к нам присоединиться.

— Разумеется, и писатели Прибалтики обобщились?

— Да, но они готовы вести с нами диалог... Кстати, есть такая фальшивая манера: «У вас столько писательских союзов, как вы в них разбираетесь?» Проще простого: их всего два — фашистский и антифашистский. Оба со старой ступенчатой структурой. Короче говоря, я убежден, что безразличное неучастие сегодня — это такая же низость, какой в прежние годы было участие. Жаль только, что из-за возраста у меня уже не так много дней этой работы настоящих сил.

— Замечательно, что их тем не менее хватает, чтобы наряду с защитой интересов людей защищать и животных от человеческой жестокости.

— Но нельзя же было отказаться от работы в обществе охраны животных, когда бесчинства, творимые над ними, достигли предела! В свое время Россия была пятым государством в мире, вступившим в общество защиты животных, которому покровительствовали Александр II, Александр III, Николай II. Кстати, Александр III запретило вводить медведя на ярмарке, потому что медведь на ярмарке — дурак: его заставляли плясать, над ним смеются. А ведь это — царь леса, зверь почти геральдический! Но сейчас его снова можно увидеть прямо на улице: хочешь — снимайся с фанерным Горбачевым, хочешь — с грязным, замученным, полуголодным животным... Помимо прочего, у нас получили распространение кошмарные шоу, когда, например, медленно режут поросенка, а потом его мясо раздают участникам «перформанса». Считаю, что такое «концептуальное» действие освобождает личность от комплексов! И находятся меценаты, которые субсидируют подобное зверство. Впрочем, они и издевательством над людьми не гнушаются: мне известно о другой акции, когда собрали бомжей, алкавших, ночующих на вокзалах, дали им вина, и те, закусывая

Юрий НАГИБИН:

«Художник прежде всего тишит собственного беса»

собственными вшами, чуть ли не совкупались на глазах «чистой публики», которая этим зрелищем тешилась. Это уже конец света, дальше идет апокалипсис.

Впрочем, почему — дальше? Можно с этого начать. Человек не имеет преимуществ перед другими живыми существами, населяющими нашу планету. Единственная особенность в том, что мы просто нарушили биологический закон, поскольку имеем возможность постоянного совокупления (в отличие от животных, у которых это происходит сезонно), а в силу того бесконечного размножения, вплоть до щедрого воспроизведения дебилов. У человека есть лишь право силы, никакого морального права в отношении других живых существ нет, и ему неоткуда было взяться. Тем не менее именно беззаконное право силы определяет в нашей стране взаимоотношения людей с животными.

Если раньше самым несчастным существом была корова, у которой брали все: мясо, молоко, шкуру, внутренности, Остап Бендер даже заготавливал рога и копыта, то сегодня за все рамки выходят издательства над собаками. Из собак делают воротники и шапки, готовят шашлыки, которые продают на окружной дороте, устраивают собачьи бега, осуждаемые в цивилизованных странах, собачьи бои, запрещения которых нам удалось добиться. Собаку используют для опытов, тогда как во всем мире с животными в подобных целях уже не работают. А еще «наши маленькие друзья» вьетнамцы, приехавшие к нам на заработки, отлавливают этих несчастных животных, накачивают водой, подвешивают, жестоко избивают — чтобы мясо было сочнее — и употребляют в пищу. Так что окрестное население живет под нескончаемым визгом, а дети находят на помойке отрубленные собачьи лапы и головы. Вот так идет развитие. А ведь во всем мире очень серьезно занимаются охраной животных, потому что отношение к ним очень многое определяет в нравственном статусе человека. Это не беллетристическая болтовня, а научно доказанный факт, что преступники, как правило, в детстве жестоко обращались с животными.

— Скажите, на ваш взгляд, в каком первоочередном действии, направленном на лечение, нуждается наше все еще больное общество?

— Сегодня, когда куда-то исчезли чудные лица, которые мы видели прошлым августом, и всё заполнили бондаревцы, анпиловцы, стерлиговцы, какие-то бандиты, смрадные люди, когда всюду царит неприкрытый расизм, шовинизм, антисемитизм — нам нужна сильная антифашистская партия с антифашистскими боевыми отрядами, чтобы в случае необходимости предотвратить попытки насильственного свержения существующего строя и избранного народом президента. (Кстати, у фашистов свои боевые отряды уже существуют, их показывают по телевидению.) Движение это должно стать всемирным, ибо фашизм всюду поднимает голову. Очистишь от скверны, расквашенной ФРГ мы подарили не просто гибриды спорта общества с госбезопасностью — ГДР, — а сильное фашистское образование.

— Но есть немало людей, не склонных и не приспособленных к участию в каких-либо партиях (тем более — в боевых отрядах), они существуют исключительно внутри своего обособленного мира. Вы отказываете им в праве на подобный образ жизни?

— А это неправда, что одно мешает другому. Знаете, новоявленных «эстетов» я не выношу почти в той же степени, что и бондаревцев. Издают тиражом в 50 экземпляров какой-нибудь элитарный журнал и знают ни-

чего больше не желают! Вспомните, Пушкин обладал сильным общественным сознанием, живо реагировал на события в Европе и в России, имел собственную политическую концепцию...

— Но может быть, они реагируют внутренне?

— Именно сейчас у России появился шанс стать нормальной страной, где человек чувствовал бы себя человеком, и только тогда, когда это случится, он сможет выбирать — быть ли ему включенным в социальные бури или жить совершенно отдельно, занимаясь коммерцией или сочиняя стихи «в стол». А пока нужно не дать большевикам вернуть потерянную власть. Хотя они и так уже овладели почти всем — по существу говоря, нами руководит новый партийный слой: один срезали, остался второй, еще более жадный, хитроумный, еще более жадный, хитроумный. А я рвется к власти третий слой — самый жадный и опасный, ибо он уже не маскирует своей национал-социалистической хари. Но тем не менее еще можно свернуть плечо этой гнусной силе, можно повернуть Россию в русло нормального цивилизованного развития. Только не надо заниматься софистикой: «ах, цивилизация — еще не культура». Это все двухкопеечная болтовня. Что культура не погибла, нам надо выйти на общечеловеческий путь.

Почему Верховный Совет срывает приватизацию земли? Да потому, что после этого он сразу станет эфемерным: вслед за земельной последует промышленная приватизация, и все ключевые проблемы станут решать собственники, на смену жуликам, торговцам воздухом придут настоящие предприниматели — уважаемые, творческие фигуры, а не спонсоры публичных издательств над животными. Тогда в парламенте будут люди, ответственные перед избирателями, а не восталобойцы, их холуи и болото, продающиеся за любую подачку. Когда все это произойдет, тогда — пожалуйста, выпускайте шедевры полиграфического искусства в трех экземплярах. Но сейчас невозможно считать уход в частную жизнь и упование эстетическими утехами достойным интеллигентным человеком общественным поведением.

— Скажите, какой из конфликтов в литературной среде представляется вам наиболее тугоухим и бесперспективным — разброд между «шестидесятниками» и «восьмидесятниками», между «славянофилами» и «западниками» или...

— Не надо говорить «славянофилов» и «западников», в чистом виде у нас не существует ни тех, ни других, есть фашисты и антифашисты. Одни хотят, чтобы было хорошо стране, другие — чтобы было плохо инородцам. Одни жалуют Россию, мучаются за нее (я и себя причисляю к этим людям), а другие фальшиво и грязно спекулируют на своей якобы любви к страдальцу-славянину, к русской старине, немилосердно приукрашивая и переверывая нашу историю. Для их целей годится все: и очень неоднозначная фигура, бессильно допустившая падение России, и Ленин им годен, и Сталин — горный орел, а иные и Гитлера поминают добрым, нежным словом. Их любимое утверждение: русские принесли поработенным народам Азии высокую культуру. А мы пришли за Урал колонизаторами — как англичане в Индию, Австралию или Канаду. Украинцев Ермак, русские Хабаров, Порошин были авантюристами-захватчиками, несли то же, что и первооткрыватели Америки: водку, сифилис и угнетение. Культуре эти люди были совершенно чужды, это были просто полупьяные бандиты, которые бежали от расправы за свои

преступления и, захватив новые земли, отдавали их царю, чтобы получить прощение.

— А все же, Юрий Маркович, если вернуться к литературным конфликтам — каковы ваши впечатления от противостояния между «шестидесятниками» и «восьмидесятниками»? Или вот еще интересная конфронтация наметилась между квазиохранителями классической литературы и ее квазиниспровергателями.

— Это, по-моему, бешенные игры, тараканы бега. Расизм и фашизм — это страшно, а все остальное меня, по правде говоря, мало заботит.

— Вы думаете, это пустяк, когда классическим литературным наследием размахивают, как дубиной, с помощью которой одна группа литераторов стремится смести с лица культуры другую?

— Эта дубина — из картона. Ну, в самом деле, по сравнению с осуществляемой под руководством Хасбулатова попыткой придушить слабый росток свободы все прочие локальные игры выглядят малозначительными. Но если вы все-таки хотите услышать ответ на ваш вопрос, могу сказать, что в области культуры я абсолютный плюралист. Я очень люблю творчество, скажем, Юрия Мамлеева — самого талантливого, на мой взгляд, современного русского сюрреалиста. Но эта симпатия отнюдь не помешала мне насладиться такой традиционной по форме вещью, как роман эмигранта первой волны Ивана Шмелева «Няня из Москвы», хотя большой «антимамлеевщины» невозможно представить. Я преклоняюсь перед «Москвой-Пегушками» покойного Венячки Ерофеева и ценю рассказы Георгия Семенова, написанные в чеховской традиции. Не могу сказать, что понимаю нынешнее чрезмерное увлечение обнулением, но вместе с тем с колоссальным удовольствием прочел недавно поэму Введенского. Человек имеет право радоваться чему угодно в области искусства. И я не понимаю, почему происходит какие-то стычки, утверждение одной точки зрения за счет другой. Это как с религиозными: казались бы, вот сфера, располагающая к умиротворению, обращению к лучшим сторонам человеческой души. Но, как ни странно, едва заходит речь о религии, люди готовы выплеснуть друг друга в глотку. Точно так же литература и культура повергают их в агрессивное состояние. Признаться, все это напоминает партийную борьбу и столь же недостойно.

Вообще говоря, мне кажется более чем странным, что мы из Хармса как-то сразу прыгнули в Пригова. Дай Бог ему здоровья, но мне ближе Евгений Рейн и Чуковский. Я, наконец, не понимаю, почему из литературного обихода исчезло имя такого блистательного поэта, как Белла Ахмадулина. Почему? Ее поэзия пела, звучала, была чей-то судьбой, счастьем, любовью. Многим она нужна и сейчас. Ее стихи не мешают Пригову, и Пригов не мешает им. Искусство — это трамвай, в котором места хватит всем. Скажем, меня не волнуют концептуалисты, но я не понимаю, почему я должен с ними бороться, если они, конечно, не режут поросенка живьем. Искусство и литература — это единый поток, в котором удивительно хорошо уживаются Кьеркегор и Платонов, Хармс и Зошенко, Мамлеев и Шмелев, Марсель Пруст и Саша Соколов, музыка Карениникова, Губайдулиной и дорожки моему сердцу Бетховен, Бах и Чайковский — такой сентиментальный и бесконечно любимый. Все это равно доставляет радость. А и не доставляет — тоже не беда. Только не мешай чужой радости. Я не признаю сектантства, понимаете?

— В какое слово вы верите — в «блаженное бессмыслие», по Мандельштаму, или в единственно возможное и точно найденное, скажем, по Хемингуэю?

— И в то, и в другое, хотя... Тут есть высокая игра, которую вы мне напоминать: «Останься пенью, Афродита, и слово в музыку вернись». Мунки творчества — не просто в поиске наилучшего слова, они — в трагическом ощущении невыразимости сокровенного. Читаешь переполненного божественным даром Мандельштама или почти столь же безбрежного одаренного Пастернака и чувствуешь: из каких глубин ни извлекают они свои нерукоутворенные слова — это все-таки не равно очарованию и трагизму, блеску и ужасу мира, сложности его безмерной, человеческим мучениям, метаниям между любовью и ненавистью, желанием обладать и желанием бежать... Поэтому многие художники мечтали о возвращении слова в изначальную стихию хаоса. Поэтому «тишина» — лучшее из всего, что слышал.

— Вы говорите о муках слова, но стоит ли читать этих муч? В одном фильме Фасбиндера есть эпизод: нацистский врач в качестве эксперимента делает укол младенцу, и тот начинает не переставая кричать. Он заперт в комнате с матерью, и через сутки она, не вынеся непрерывного плача, душит его подушкой. То есть, достаточно непродолжительное воздействие на психику, чтобы в человеке проступил и восторжествовал животный инстинкт. Стоит ли в таком случае пробуждать в нем чувства добрые с помощью литературы?

— Но никто же не может с точностью сказать, сколько войн и преступлений предотвратили литература и ис-

кусство. Да и вообще — ваш вопрос не имеет смысла: литература существует вовсе не потому, что она кому-то требуется. С тем же успехом можно спросить: стоит ли жить, если все равно умрешь? Художник и писатель прежде всего тишит собственного беса, а попутно может решить задачи, безмерно превосходящие его собственную малость... или величие, которое тоже малость.

— Вот я и хотела сказать, что, по-моему, человек пишет все же не для публики, не для улучшения нравов и исправления человеческой природы, а из чисто эгоистических соображений — получая удовольствие от самого процесса.

— Согласен. Конечно, прежде всего он пишет для себя. И все равно это — таинственный способ обмена с миром. Вы знаете кого-то, кто пишет только для себя, сам себя читает и абсолютно ни с кем не общается? Что-то в этом есть от библейского Онанаса. Наверное, можно написать великое произведение на эту тему — о человеке, который бы самоудовольствовался во всех смыслах. Но, скажите, почему Бог создал подругу для Адама, почему не оставил его в одиночестве? Адам мог бы самоудовольствоваться или вовсе не испытывать ни плотского, ни творческого влечения: в раю литература не нужна. Но мы живем не в раю, и поэтому, наверное, литература и искусство участвуют в жизни. С появлением человека все в мире приобрело новый, иной смысл. Дерево, до его появления росшее как бы само для себя, стало гораздо выше своей простой сущности, стало сущностью поэзии, символом. Почему человек нацарапал мамонта или птицу на скале, на видном месте? Он, по-моему, был движим тем же чувством, что и те, кто расписывает стены общественных уборных (я говорю без малейшей иронии), — желанием оставить память, сообщить кому-то о себе, разорвать тень одиночества и молчания. Творчество — это все-таки общение, голоса над бездной. Человек пишет стихотворение, ища в мироздании какого-то отклика — чтоб услышать, чтоб не сойти с ума, не погнаться в пустоту. Позже, столь же органически, как писалось, приходит и потребность в читателе, который нужен хотя бы для того, чтобы понять, удалось ли выразить — пусть отчасти — то, что обременяло душу.

— В чем, по-вашему, беда сегодняшней литературы?

— Вы думаете, я скажу, что ее нет или что она в упадке? Ничего подобного. Она существует. Но беда ее даже не в близорукости, а в почти полной слепоте околотературной и книтогидательской публики. Например, я без конца талдычу о романе Марка Наумова «Исход». Он о Моисее, выводящем евреев из Египта, о выдаивании из себя раба, о том, что раба не следует вести в землю обетованную: он ее только загадит (подобно тому, как загадили ребята Анпилова землю в Останкине, которой насасала легкая стопа Параша Немчужовой, — они доказали, что ныне не булыжник, а дерьмо — оружие пролетариата). Но никто не хочет знать, что такая книга появилась. Или есть прозаик Викторина Платова, ныне уже проживающая в США. Ни ее рассказы в «Неве», ни маленькой повести в «Континенте», ни тем паче большого романа, изданного в Америке, никто не заметил. «Новый мир», казалось, готов был его напечатать — сорвалось. Почти уже издал «Новости» — то же самое. Почему? Между тем, на мой взгляд, Платова — самый одаренный русскоязычный прозаик. Нет, здесь надо иметь банду!.. Вышла необыкновенная книга И. Гарина «Пророки и поэты», первая часть триптиха, на который он потратил тридцать лет жизни. Это праздник культуры, событие из ряда вон выходящее, но никто из людей, призванных самой профессией следить за литературой, даже не почесался. Вышли интереснейшие сборники молодых — Романа Канушкина и Олега Юлиса, а где отзывы? Читатель должен знать о книге, иначе ее не будут покупать. Почему же мы так нелюбопытны к тому немногочисленному, что делается у нас, почему так ленивы? Я не понимаю наших критиков: зачем нужно числить себя в деле, которое не интересует, к тому же плохо кормит?

— В письме Чехова к Суворину есть такая фраза: «Кто ничего не хочет, ни на что не надеется и ничего не боится, тот не может быть художником». На что надеется, чего хочет и чего боится, г-н писатель Юрий Нагибин?

— Я хочу закончить три небольшие, очень личные, интимные вещи, которые, может быть, и не стану печатать, чтоб не превращать их в средство к существованию. Не могу сказать, что боюсь смерти, а вот возвращения большевикам боюсь.

— А на что надеетесь?

— Что этого не случится. (Хотя бы потому, что горлопанины и улитки в ошибках гораздо выгоднее, чем стоять у власти и отвечать за все в расплачивающемся по швам государстве.) Но одной пассивной надежды мало, нужно мощное антифашистское движение.

Беседу вел
Татьяна РАСКАЗОВА